

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
МЕСТОИМЕННЫХ ГРУПП
В БОЛГАРСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Майя Кузова

Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского

**EMOTIONAL-EVALUATIVE POTENTIAL OF PRONOUN
GROUPS IN THE BULGARIAN AND RUSSIAN LANGUAGES**

Maya Kuzova

Paisii Hilendarski University of Plovdiv

The article is devoted to the large and complex topic of linguistic expression. We are interested specifically in the emotional and expressive potential of pronouns, which do not always play their conventional roles. Almost all categories of pronouns are capable of moving far away from the familiar, *uninspired* image, expressing and inspiring emotional evaluation. By clearly outlining the side vectors of their functioning, they often become very significant in the emotive-evaluative context. Undoubtedly, their special use or seemingly random presence in speech is clearly connected with pragmatic reasons.

Key words: linguistic expression, emotional evaluation, pronouns, pronominal evaluative groups, markers of empathy, pragmatics

Вряд ли необходимо кого-либо убеждать в важности эмоций и в нашей жизни, и в языке, на котором мы с другими общаемся. Невозможно не замечать и эксклюзивность выражения эмоций в любом языке. Исследование языковой экспрессии – это интереснейшее изучение пестрой, чувствительной, *живой* территории, которая давно и неудержимо привлекает внимание лингвистов. Те, кто начал ею заниматься, неотступно продолжает эту работу. А сопоставлять ситуацию в двух языках – дело серьезное, не лишенное эмоций, пристрастий и сомнений. На основании своих многолетних анализов мы категорически убедились в том, что многообразные проявления эмоций подчиняются своей логике, а их экспликация подчас впечатляюще рацио-

нальна – язык проявляет безошибочное чутье в выборе все новых и новых экспрессивных ресурсов.¹ Как ни странно, они поддаются не просто описанию, но и систематизации, предугадыванию особого поведения – несмотря на свою импульсивность, *недодуманность*, артистичность. Этой, кажется, дерзкой идее мы посвятили все страницы монографии, которая писалась больше двадцати лет (Кузова 2018).

В очередном фрагменте общей проблемы речь пойдет об эмоционально-экспрессивном потенциале местоимений, которые далеко не всегда выступают в своих конвенциональных ролях. Почти все разряды местоимений способны далеко отойти от знакомого, *скучного* образа, выражая и внушая эмоциональную оценку. Очерчивая боковые векторы функционирования, они окрашивают по-другому свои новые позиции и становятся весомыми в эмотивно-оценочном плане. Их употребление *не к месту*, их кажущееся случайным присутствие, можно признать значимым (метафорическим) излишеством. Это в очередной раз порождает рассуждения о когнитивной маркированности языковых форм, имеющей прочные прагматические основания. Конкретно остановимся именно на таком специфическом функционировании местоимений, местоименных (оценочных) групп и подключающихся к ним других „этических“ элементов, объединяемых названием **маркеры эмпатийности**. У них бесхитростная природа и прозрачная первичная семантика, но налицо случаи, когда особое позиционирование в предложении удивляет, порой поражает: в характерологическом контексте „собственной причастности“ они ведут себя иначе, раскрывая новые, довольно яркие черты и семантики, и прагматики своей. Далее рассмотрим их роль в болгарской и русской эмоционально-экспрессивно-оценочной речи.

В фокус попадают, например, т. наз. демонстративы – указательные местоимения и характерные представители именной указательной группы. Это узусный анафорический тип в **б. този – онзи... / р. этот – тот... (този – онзи човек / эта – та женщина)**.²

Указательные местоимения (наряду с функцией замещения) располагают богатыми референциальными возможностями, не огра-

¹ Стоит напомнить важное начало книги В. И. Шаховского: „Эмоции сегодня в моде. Они охватили все коммуникативное пространство Homo loquens: СМИ, политику, бытовое и художественное общение. Эмоции стали важнейшими компонентами разума, мышления и языкового сознания современного человека, принадлежащего к любой лингвокультуре“ (Шаховский 2008: 5).

² По ходу анализа языка (болгарский и русский) меняются местами в зависимости от акцента и преемства реальной представленности иллюстративных материалов.

ниченными строго ни расстоянием до антецедента, ни типом его (Красавина 2004). Привлекают внимание случаи, когда они вводятся в режим предпочтительного выбора, т. е. ими дается *скрытая* оценка. К оценочности ведет их способность, указывая, моделировать дистанцию между автором речи и другим участником / адресатом: они сужают, компрессируют или, наоборот, расширяют эту дистанцию, что ведет к ясным прагматическим последствиям – к внушению уютной близости, ласковости, восхищения или же к иронии, неглижированию референта, к нежеланию даже его определять. В обоих случаях местоимения резко приобщают собеседника к выражаемой субъективной позиции.

В группе русских демонстративов значение дистанцирования (в том числе *холодного*, даже пейоративного) считается характерной чертой указательности далекого дейксиса (**тот**), но есть констатации, что с подобным внушением несколько парадоксально используется и местоимение близкого дейксиса (**этот**). В принципе, дистанцирующая и оценочная функция противоречат базисной дейктической функции демонстратива близкого дейксиса, кажутся противоположными его семантике (указывать на близкий объект) (см. также Красавина 2004: 66). Тем не менее, оценочные **этот** и **тот** демонстрируют и разные типы дистанцирования; оба местоимения его выражают, причем без особой разницы и одинаково несмело. Русские примеры их пейоративного употребления редки и не очень темпераментны, хотя в них несомненно обнаруживается явление особой природы. Это объясняет обособление подобного употребления указательных именных групп (Касаткина 2012; Красавина 2004):³ *Не хочется ничего вспоминать, ничего, что потревожит... Не хочется вообще и думать об этом Париже; Ее родные ему не очень доверяли, вели себя с ним ровно и неплохо, но он не мог тех людей любить.*⁴

Эмотивная характерология местоимений **этот** и **тот**, полагаем, связана с чередованием их адъективного и субстантивного употребления. Самостоятельное употребление задает роль побочной, вторичной номинации, типично выражающей отношение, значит эмоцию, значит, и оценку. Может развиваться и даже стабильно поддержи-

³ О. Н. Красавина, исследующая проблемы референциального выбора и анафоры, представляет специфику указательных местоимений и именных групп с их участием в русской речи; предлагает и обширный обзор русской традиции и чужих исследований по проблемам дискурсивной анафоры (Красавина 2004: 51 – 57).

⁴ Примеры с необозначенным источником – из устного общения, из телевизионных передач, из кинофильмов, из интернета.

ваться пейоративная семантика с разными негативными нюансами: срв. *Он [мой сумасшедший дедушка] этого никогда не делал, если знал, что кто-то за ним следит. А **этот** прямо при мне подглядывает* (пример Красавиной 2004: 63). В такой функции **этот** и **тот** уже квазиартикли определенности (Касаткина 2012: 4).⁵

Легче, по нашему мнению, экспрессивизируется отрицательный вариант **не тот**, сам по себе задающий негативный заряд: *Да не тот человек!* (т. е. **не тот**, кто надо; **не такой**, как хотели, ожидали или положено). Подобна специфика клишированного оборота *Не то слово!* Аналог последним двум ситуациям в болгарском не удастся найти, приближается к ним и к рускому *Такому / Этому не быть!* субстантивированное употребление местоимений типа: *Тая няма да я бъде! Такива да ги нямаме!*⁶

Тем не менее, в болгарском языке пейоративными могут оказаться все указательные местоимения, частотность их оценочного употребления намного выше, а обсуждаемая экспрессивная функция прагматически естественна. Начиная с *нейтральных* форм **този** – **онзи** и **тези** – **онези**, которые имеют или свободно развивают (особенно вторая пара) потенциал тонированного употребления: *Какво искаш? Да се намесят онези ненормалници от „Досиетата Х“ и да попаднат на наши следи?* Еще менее ласковы варианты **тоя** – **оня** и **тия** – **ония**, которые специализируются в выражении эмоций-оценок и ясно разграничивают оценочный контекст от прямой анафорической референции. Это движение легко и сразу распознается и субъектом, и объектом речи, т. е. контекст общения категорически окрашивается в эмотивно-оценочный: *Абе, тоя с всичкия ли си е?! Ей го и тоя, другия. Абе, тая какво иска от мен?! И оная търчи за прегръдки! Тия пък откъде ни се натресоха?!* К эмотивно-оценочным внушениям самих местоимений присоединяется предпочтительная в данных контекстах окрашенная (сниженная) лексика: ср. *Оня от горния етаж пак **цъфна*** (а не *дойде*); *Ония пак **довтасаха*** (а не *се появи*а, *дойдоха*) (см. и наверху – *търчи, натресоха се*). Фреквентность таких употреблений однозначно доказывает включение указательных местоимений в круг оценочных ресурсов болгарского языка.

⁵ Налицо переплетение функций указательных местоимений. Безакцентность определенности (отсутствие полноправного определенного артикля, как известная лакунарность в системе русского языка) компенсируется лексическими средствами на дограмматическом, дискурсивном уровне (Касаткина 2012).

⁶ Процессы субстантивации болгарских местоимений (см. и дальше) учтены как редкие в Колева 2016.

Прагматические сдвиги, разграничение первичной (указательной) и вторичной (эмотивной) функции документировано и в клишированных речевых фактах, где оценка становится ведущим элементом внушения: *Ще обяснявам аз на **тоя** и на **оня**! Не ми говори за **тоя** и **оня**, говори за себе си!* Негативный оценочный компонент категоричен, а степени его яркости стартуют с пренебрежения, через иронию, до враждебности. Последние примеры интересны и псевдоуказательной перегрузкой, факт употребления двух местоимений значим – наблюдается плеонастический эффект, и это не случайное накопление.⁷ В русском оно абсолютно невозможно – пренебрежение, недоброжелательность, дистанцирование, подобные тем в парной болгарской номинации, вносят функциональные эквиваленты **любой, всякий, некий, кто угодно...**

Кроме указательных **этот – тот** (в бинарной оппозиции близкого – далекого дейксиса), особым *гибким* образом ведут себя русские местоимения **наш, мой, твой**. Вовлеченные в отношения дейксиса, они меняют исходную семантику и без тонального акцента выражают не possessивность, а определенность, а значит, в некотором смысле выступают в роли определенного артикля (Касаткина 2012: 4): ***Наш** герой честный человек, но по форме он жулик* (Э. Рязанов).⁸ Развивают и некоторую способность выражать пренебрежение: *Вижу, ты уже все приготовила. Одна! А **твой** еще дрыхнет, небось?! Даже не представляю, как бросился бы помочь в такой ситуации **мой**!*

В болгарском примеры опять ярче (*Виж го, виж го **нашия**! Ще се пръсне от злоба!*), с характерным парадоксальным усугублением пейоративности уменьшительностью: **моичкия, твоичкия, нашичкия**.⁹ Даже без контекста формы заранее и ясно настораживают, готовя к ироническим комментариям: *Погледни го само **моичкия**, как се е издокарал, горкичкия! За смях на кокошките. От някое време на **твоичкия** взеха да му се привиждат видения, а?! Хората се придвижват с метрото, а **нашичкия** го возят с лимузина*. Когда референтом выступает лицо, форма среднего рода избегается, за исключением шуточных генерализаций в паремиологических ***Наше** лошо няма! От **нашето** по-хубаво няма!*, обсуждающих все и всех с гордо-

⁷ Плеонастические эффекты причисляются нами к типичным экспрессивным приемам и в болгарском, и в русском языках (см. Кузова 2018: 154 – 174).

⁸ В качестве рабочего термина для обозначения этих и подобных лексем Р. Ф. Касаткина вводит термин „предартиклъ“ (Касаткина 2008: 305).

⁹ О *неожиданном* негативном заряде, глубоко присущем болгарским уменьшительным формам, см. Кузова 2018: 225 – 250.

стью: *Нашето си е наше, по-хубава жена от българката няма!* В поле неодушевленности немногочисленны, но активны болгарские конверсивы (в унифицированной форме ж. р.), обобщающие неудовлетворительность актуального положения дел, ситуации, участи: *Тя моята не е за разправяне! Нейната да не е друга? Сирак от дете... Тя и твоята / нашата / вашата / тяхната не е лесна!* Специфична типизированная оценка *Това не е моето!*, где местоимение удобно замещает негативную оценку (*Това не ми харесва!*) или отказ чем-то заняться (*Не искам / Няма да направя това!*). Любопытна рассогласованность в роде субстантивата и пропускаемого существительного, что свидетельствует об автономности *экономной* номинализации и о семантике предельного обобщения.

Кажется, в отношении и русских, и болгарских притяжательных местоимений в указанной функции справедлив термин *псевдо-* или *полусубстантивы*, так как нередки случаи неотменимой важности контекста для понимания конкретной сути субституции.

Параллельно со всеми выделяемыми дальше пунктами наблюдения нас будет интересовать ситуация с присутствием местоименных клитик, которые рассматриваются на территории *Dativus Ethicus / Дативус этикус* (Дательного этического, Дательного заинтересованного лица).

Не углубляясь в рассуждения об их статусе, отметим, что краткие формы болгарских личных и притяжательных местоимений **ми**, **ти**, **му**, **ми ти**, **си** вступают в отношения омонимии и что в ходе языкового развития они подверглись процессам десемантизации и деграмматикализации, что привело к их функционированию в качестве частиц. Для Г. Петровой это местоименные частицы с экспрессивно-эмоциональной функцией; частицами субъективного отношения считает их Р. Ницолова; эмоциональными частицами называет их Ю. С. Маслов; чисто усилительными частицами – К. Чолакова (см. обзор их восприятий в Петрова 2015: 25). За ними признается способность придавать неофициальный характер речи, передавать эмоциональное отношение (и положительное, и отрицательное), внушать оттенки уюта, радушия, умиления, ласковости или же иронии, недоверия, разочарования, возмущения, презрения.

Интенсивно эмоционально окрашены многочисленные примеры с ними: **б.** *Хубавец ми е той! Какъв си ми умничък и сладичък!* (с усиливающим ласковый оттенок деминутивом), *Умница ни е тя! Аз съм си такава! Той си е майстор! Как си ми днес?; Какъв ти колега, изобщо не го познавам този! Идиотът му с идиот! Изигра ме,*

лъжлата **й** с лъжла!¹⁰ *И това **ми** било лекар! И това **ни** било култура!* (более редкая форма мн. ч. **ни** расширяет круг лиц, которые разделяют выражаемое острое разочарование и негодование), *И като гръмна оная **ми ти** музика... Изтръгнах! Такива **ми ти** работи!* Эффектными оценочными оттенками (обоих знаков) снабжаются и глагольные фразы: *Как сладко **ми** е заспала! Кой **ми** се е събудил! Кой **ни** е огладнял? Само **ми** се пази, чу ли! Дай да **му** пийнем по биричка! Хайде да **му** ударим едни карти! Я, каква хубава разходка **му** направихме! Внимавай да не **ми** се държиш като вчера! И да не **ми** закъснееш! Кой **ти** е мислил, че така ще стане! Лекар ще **ми** става! По екскурзии **ми** хукнала...* Совершенно очевидно, что местоименные формы сопровождают глаголы, семантически не требующие косвенного объекта, т. е. речь идет не о примерах типа *Внимавай как **ми** говориш!*, а об явлении иного плана: см. еще *Внимавай как **ми** шофираш! Да не **ми** катастрофираш!* Сюда относим и грубую побудительность: *Те да **ми** изчезват оттук веднага! Ти да **ми** млъкваш! Хич да не **ми** се правиш на интересен!*

В русском типичны личные местоимения в Д. и Р. п., намного чаще при глаголах: *Она **у нас** молодец! Да я тебе любую книгу за день прочитаю! Ты мне / нам кончай крутить вокруг да около! Ты у нас еще поспоришь! Ты мне (там) смотри! Поговори еще у меня! Ты у меня поспишь. А ну, вставай, я сказала! Я тебе (еще) (тут) побегая у меня!* Типично русским явлением выступают глагольные конструкции с циркумфиксом и „встроенным отрицанием“: *Он у меня допрыгается! Ты у меня допереключаешься* (о человеке, переключающем программы – хрестоматийный пример И. А. Мельчука) (см. Филимонова 2021: 157). В своей исключительно серьезной работе, посвященной конфликтным репликам в русском языке, Е. Ю. Филимонова воспринимает свободную трактовку падежного оформления „этического элемента“, причисляя к Дательному этическому и предложную группу с русским генитивом (там же: 149). Считаем это справедливым, примеры тоже показывают, что падежи чередуются: *А ну заснули мне / у меня! Ты еще поспорь нам / у нас! Я тебе / у тебя пошучу! Они мне / у меня это запомнят! Он мне / у меня будет знать!*

Приглагольному употреблению болгарского рефлексива **си** в роли частицы с модальной функцией (*Често **си** му купувам подаръци! Нека **си** се цуни!*) в русском соответствует себе как частица с интерес-

¹⁰ О болгарских и русских фразеосхемах с устойчивой тавтологией см. (Кузова 2018: 177 – 208).

ным модальным оттенком укоризненного совершения действия в свое удовольствие (*Бегаем наперегонки по дому, опаздываем, тревожимся, а он смотрит себе телевизор!*) или с оттенком равнодушия, презрения (*Ну и пусть себе дуется, надоело мне с ней считаться!*).

Болгарские местоименные клитики часто присоединяются к ироническим оценкам с формой **един** типа *И ти си една фризьорка! Ама си един късметлия!* (они детально рассмотрены в Кузова 2022). В интересующем нас сейчас варианте (*И ти си ми една фризьорка! Ама си ми един късметлия!*) демонстрируется специфическая интимизация квалификации – вдобавок к реальной констатации (*Никаква фризьорка не си! Нямаш грам късмет!*) эксплицируются ангажированность и прощающая сопричастность, что в добрую меру смягчает неласковую номинацию, преодолевая даже негативные лексемы: *Ама си ми една лигла / лигличка!* (см. об этом и дальше).

Иронизацию может дополнительно стусевать перечислительное множественное число, а вставка местоимения возможна практически всегда, чаще – в варианте удвоения **ми ти** и с целью выразить собственную эмоцию. Конечно, итоговая оценочность тесно сопряжена с контекстом, может варьировать, а ее знак выясняют стандартные комментарии и аффективы¹¹: ср. *Там едни ми ти покривки, едни ми ти прибори, едни ми ти мезета... Не е за приказка! / Красота! / Богата работа! (+) / Пълна снобария! (-); После започнаха едни ми ти обяснения, едни ми ти оправдания, едни ми ти съззи... Срам и позор! / Жалка работа! (-) / Да ти се скъса сърцето! (+)*. В любом случае сдвоенная местоименная позиция свидетельствует об отмеченном эмотивном приобщении собеседника: в пару **ми ти** вовлекаются оба участника общения, естественны и переходы к другим лицам местоименной парадигмы: *Там едни му ти покривки, едни му ти прибори, едни му ти мезета. Не ти е работа! / Ум да ти зайде! / Свят да ти се завие!*

Более редки плюсовые примеры типа *Тя е една красавица! Той е един мъдрец!*, где **един** является чистым интенсификатором, а внушение фразы не переосмысливается в ироническое. Добавление местоиме-

¹¹ В эмоционально-оценочных модификациях очень чувствительна динамика интонационного контура фразы. Он чаще остается незамкнутым, что активизирует характерную паралингвистику, четко компенсирующую недовысказанность, уточняя знак эмоции и оценки. Частотна словесная экспликация комментарными фразами типа *остави се, не питай, не е за приказка, да не говорим, да не ти обяснявам, забравй, нямам думи* или аффективами (и устойчивыми) как *прелест, красота, чудо, кошмар, ужас, страхотия, страшна работа, срам и позор, ум да ти зайде, тури му пепел* и под.

ния резко отводит оценку в сторону личной эмоции – номинация совмещает убежденность, теплое пристрастие, гордость и долю хвастовства: *Тя ми / ти / ни / си ми е (една, цяла) красавица! (моята / нашата); Той (си) ми / ти / ни е (един, цял) мъдрец!* Занятая, однако, местоимением позиция рушит модель, и **един** из нее чаще выпадает. Семантика притяжательности, со своей стороны, *впускает* в личное пространство автора речи, который, доверяясь собеседнику, приобщает его к оценке и ее сопереживанию: *Майстор си ми е той! Да си ми е жив и здрав!*

Первый образец (с **един**) в русском не встречается, отмеченную в болгарском задушевность придают притяжательные местоимения: *Она наша красавица! Он мой герой!* В соответствии с интимизацией налицо привязанность к плюсовым референтам, а нюанс притяжания трансформируется в пристрастие: **мой** = **для меня**. Частотен генитив с предлогом **у**, причем активны местоимения всех лиц (**у меня / у тебя / у него / у нас / у вас / у них**): *Ты же у меня / у нас (моя, наша) умничка! Она у вас красавица! Он у них молодец!*

Наличие местоимений в отрицательных номинациях тоже может видимо трансформировать общую оценочность. С одной стороны, семантика дистанцирования, неясности, неопределенного упрека смягчается: срв. *Днес си ми един* (защо ли, кой знае защо, някак, нещо) *враждебен / заядлив / разсеян; р. Ты какой-то у меня / у нас* (почему-то, как-то, что-то) *сегодня злой / нервный / странный!* Явная же критика становится условной, *доброй*, по меньшей мере ее градус снижается: *Ама пък (и) (ти) си ми една глупачка; р. Да такава ж ты (еще) у меня / у нас дура! Ну что ж ты у меня / у нас вредная такая?!* Вставка косвенно-падежных форм русских личных местоимений чувствительно меняет тональность негативной оценочно-восклицательной фразы в сторону ласковости, снисхождения. В примерах заметно и что оговоренный оттенок пристрастия логично ограничивает позиции местоименных форм в рамках 1 л. обоих чисел. Вторя внушениям местоимений, добродушные нюансы усиливают и типичные уменьшительные варианты существительных: *Ами какво си ми (ни) глупаче само?!; р. Каква ж ты все-таки у меня / у нас дурочка?!*

Бесспорно, оценочность тесно связана с (не)определенностью, явен уклон к неопределенности, весьма активной в интересующем нас плане.

Под влияние параллельно употребляемых местоимений (и наречий) попадает нестабильная неопределенность болгарского маркера **някой, някакъв** в любопытном сочетании с личными именами: *Ще изскочи някой ми ти, някакъв ми (ти) / им / му там Рамбо и ще ни*

насмете! Това да не е **някакъв ми (ти) / ми ти / им там** Дан Колов?! Нарастает диалогичность оценки, растет и общая экспрессивность фразы. При русском местоимении-прилагательном **какой-то** наречия появляются чаще (чем в болгарском), а особых предписаний к статике или динамике их вариантов нет: ср. *Я же не какой-то тебе (вам) тут / там* Делон! *Нужен тут какой-то там* Рэмбо!

Интересно проследить за присоединением местоимений (и наречий) к болгарским маркерам с рефлексивом **си** в усилительной функции: **някой си, някакъв си**. В экспрессивном контексте маркеры сами по себе оценочны и демонстрируют категорическое пренебрежение (= **нищо и никакъв си**), они частотны, с широким сочетательным потенциалом: чередуются с **един**, сочетаются с числительными, нарицательными именами (нейтральными или с качественной семантикой) и собственными именами, подвергаются субстантивации. Естественное подключение к ним местоимений и наречий нагнетает оценочность. В качестве реальных разговорных речевых фактов бытуют примеры типа: *Така бил казал **някой си му там** роднина! **Някой си му там** умник си въобразява, че ще стане кмет! При тях уж бил дошъл **някой си му там** мой познат и питал за мен. Снощи звъня **някаква си там** съседка. Важно сказать, что му может дистанцироваться и практически отграничиваться от прямой третьеличной семантики, обычны и расхождения в роде и числе: *Ще ми преживяваш заради **някаква си му там** идиотка! Вчера цял ден се занимавах с **някакви си му там** мои си работи, после се мотах. Преди **някакви си му там** пет минути ти беше съгласна с мен! Проформа ми зададох **някакви си му / им там** въпроси и аз съвсем се оплетох.* Здесь предельно усиливается неопределенность – референт оценивается как неизвестный или неважный, безразличный, а определительный комплекс **някой / някакъв си му там** входит в синонимический ряд **незнаен, какъв да е, безразлично какъв, еди-какъв си**. В соответствии с обрисованной семантикой, оценкам подходит наречие отдаленности **там**. Местоименно-наречные комплексы выступают (правда, нечасто и с ощущением эллипсиса) и как субстантивированные. Наречие в подобных случаях компенсирует пропуск референта, что доказывается нежелательностью одновременного пропуска и референта, и наречия: *Ще ми се тръсне на главата **някакъв си (му) там** и ще ми казва какво да правя!.. **Някакви си (му) там** настоявали да си тръгна!**

В русском языке, по справедливому замечанию А. Л. Бегляровой, „значение неопределенности не исчерпывается сферой неизвестности объекта, в речи оно обрастает многочисленными дополнительными

смысловыми нюансами“ (Беглярова 2009: 129). Отсюда, несмотря на то, что неопределенные смыслы порой избыточны, они вбирают оценочные значения, выражают незавершенность, обрывочность мысли или маркируют „нестандартное положение вещей“ (там же).¹² Из-за туманной неопределенности, русские **какой-то**, **некий** оказываются негативно оценочными, принципиально снабжаются оттенками иронизации и пренебрежения: *Вы привели **некоторые** аргументы. У вас, соглашусь, **некие** основания.* В болгарском наблюдается то же самое: ср. *Зададоха ми **някои** / **някакви** (си) (там) въпроси. / Зададоха ми там **няколко** въпроса* (второй вариант не терпит присутствия **си**).

Чем больше пренебрежения, тем типичнее (особенно в русском) присоединение наречия **там** – кажется, оно дополнительно отсылает подальше, туда или к тому, что нас не волнует, а таким образом нагнетает и негативность оценки: *Он **какой-то там** пиццы доставщик. От меня, представь, с утра хотят **какой-то там** конкретики. С претензиями к нам заявили **некие там** недовольные.* Роль наречий и в русском, и в болгарском отнюдь не случайна – меняя акценты, они способствуют и описанию масштаба объекта оценки: срв. роль наречия **там** при указательном местоимении отдаленности в *Ония ми ти там софри, ония ми ти там бели покривки, ония ми ти там кристали...*

К оценивающему местоименному комплексу способны подключаться обобщительные местоимения: *Снощи ѝ наговорих **всякакви му там** глупости! Пак ще ме тормозят с **всякаквите му / им там** документи! **Всичките му там** твои обещания изобщо не ме интересуват!; в р. *Ходят у нас **тут всякие!** Без времени, среди нощи.**

Дейктические и прагматические маркеры экспрессивной номинации организуют и оценочные клише. Сюда относим иронические безглагольные предложения, вводимые при помощи **то**, которое расширяет свое нереперентное употребление и в высокой степени десемантизируется. Подключение местоимений к болгарской модели **то един** создает интересную описательность, ласковую напевность, под-

¹² А. Л. Беглярова соглашается с В. В. Колесовым: „неопределенность высказывания с большим количеством неопределенных местоимений повышает степень уклончивости и размытости русской мысли, которая (...) сторонится определенности понятия. Сказать до конца ясно – прямо – значит открыться до времени и тем самым обезоружить себя“ (цит. по Беглярова 2009: 129). Вдобавок, *некий* особый смысл придается (факультативному, но значимому) употреблению местоимения-прилагательного **некий**, как средству „интеллектуализации“ сообщения; его использованием уходят от категорической оценки или имплицитуют сложность, непознанность, неосознанность, неоднозначность квалификации (Беглярова 2009: 130).

держивая или расшатывая и негативную, и ласковую семантику (в отмеченном уже соответствии со знаком имен и оценкой их места в ситуации): ср. *То едни ми ти прегръдки, едни ми ти целувки, едни ми ти сълзи, едни ми ти лиготии* (–); *То едни ми ти спомени, едни ми ти разкази, едни ми ти снимки* (+). Наоборот, комплекс *ми ти* однозначно усугубляет пейоративную оценку в *то пък един*, которая не реагирует на исходный знак номинации и создается за счет самой клишированной структуры: *То пък една ми ти красота! Бетон и стъкло до небето. То пък един ми ти път! Треволяк, кал и буци.* Особняком стоит слитное турецко-болгарское скрещение с заложенным противопоставлением: *Коскоджамити юнак, пък реве като момиче!*¹³ Близка эмоционально и по семантике модель *и това ми бил(о)*: *И това ми било вечеря! И това ми било път! И това ми бил юнак! И това ми била приятелка!*

В ряде изначально амбивалентных псевдovoпросительных реакциях местоимения определяют вполне однозначный факт полного отрицания эксплицитированного качества референта. Такова ситуация в восклицательно-утверждающих квалификациях с наличным местоимением или местоименной группой *какъв ти / какви ти, какъв ми ти / какви ми ти*: *Какъв ти помощник! Скъса ми нервичките. Каква ти почивка! Цял ден пред компютъра. Какъв ми ти студент?! Името не може да си напише правилно. Какъв ми ти обяд?! То цяло пиршество!* Нулируется или преодолевается, как раз за счет местоимений, и плюсовая (она иронизируется), и негативная номинация: *Каква ми ти чистота?! Два пръста прах... Какви ми ти радости! Нищо хубаво не видях! Какви ми ти неудобства?! Тук има всичко, което ни трябва.*

В русском языке подобную реакцию недоверия, подозрения, укоризны, отрицания организуют восклицательные и вопросительные образцы опять-таки с участием местоимений, наречий и частиц: *Тожже мне уют – не присядешь, не приляжешь! Тожже мне / у нас демократ нашелся! Так вот тебе и приятель! Какое тебе еще / там легко, я ничего не соображаю! Какое тебе / тут нужная?! Какая там / тут / тебе / еще помощь?! Собрал пожитки свои и смылся. С глаголами: Ну какое там / тут / тебе / еще помочь?! Смотрел, улыбался и плечами пожимал... Какое там тебе встретит? Где там поеду?! Куда тут / там успеть!?!; в б. *Къде ти ще / да ти помогне! Ще те прегра-**

¹³ *коскоджа + ми ти* (л. мест. в Dativus ethicus). Толкова голям (обикновено с противопоставяне): *Коскоджамити мъж, пък уйдисва на детския акъл* (РБЕ).

зи като валяк и няма даже да се обърне... Къде ти да ни изслуша?! Ще ни тресне вратата под носа! Во всех примерах заметна несостоятельность глагольного управления, что свидетельствует об изменении первичной семантики компонентов оценочной группы.

Как видно, разговорные модели приобщают и имена, и глаголы, а формы изменяемых экспрессивных маркеров грамматически нестабильны, подчас произвольны, значит, имеют надстроечную функцию – экспрессивных актуализаторов качества, добавляющих эмоциональную оценку.¹⁴ Нередко они формально лишние, но в прагматическом аспекте их эффект вполне ощутим: местоимения хвалят, гордятся, иронизируют, неглижируют, обобщают, очерчивая личные сферы говорящего и собеседника, поочередно сближая и отдаляя их друг от друга. Совершенно ясно, что резкие изменения грамматического узуса нарушают автоматизм его симметрии с более или менее четко распределенными речевыми ролями. Таким образом происходит и наблюдаемое в экспрессивной коммуникации переосмысление ориентиров – *кто каков, у кого, где...* и кому это важно.

Обобщая, можем сказать, что большинство разрядов местоимений обнаруживают скрытый или явный потенциал экспрессивных маркеров. Примеры свидетельствуют о том, что в обоих языках в подходящем контексте они ярко оценочны. И в отдельности, и в составе местоименных групп они демонстрируют безразличие, пренебрежение, негодование или, наоборот, смягчают критику. И то, и другое убедительно внушается собеседнику *с призывом* к сопереживанию. Подтверждается также не раз отмечаемое положение, что экспликаций негативного отношения больше – аксиоматична языковая асимметрия в пользу пейоративности (см. Кузова 2018: 129, 382).

Показания двух языков свидетельствуют и об асимметрии в плане ресурсов и в их частотности. Несмотря на все отмеченные расхождения, а также на известную лакунарность в русском (в отношении позиций и функциональных тактик), основания для сопоставления налицо, а ситуации принципиально аналогичны.

¹⁴ На подобные *адресированные* фразы обратил внимание Б. Ю. Норман, считавший, что они регулируют отношения с встречной стороной, ясно выражая и личную эмоцию своего автора: услышавший их **должен** отреагировать на содержащиеся в них упрек, запрет, угрозу: – *Ты чего мигаешь? – озлился сторож. – Ты мне не смей мигать. Я тебе так помигаю...* (Норман 2009: 151 – 155). Еще о парадоксальных функциях местоимений и их ролях в дисбалансе точек зрения в речевом акте см. Лотман 1996: 553 – 559.

В болгарском типичны местоименные комплексы, накопление и совмещение их семантических оттенков. В русском широко представлены модельные местоименные образцы, чья структура охотно присоединяет модальные частицы (типа **еще** с оттенком иронии и укоризны) и особенно наречия в функции дейктических отсылок.

И в болгарском, и в русском наблюдается сторонящееся предписаний нормы поведение компонентов эмоционально-оценочных номинаций – происходит *освобождение* фразы, а именно в перспективу ослабления (исходной) семантики входит и параллельный отход от нормативности. Велика, конечно, роль соответствующего речевого контекста, специфика сопутствующей лексики и ее окрашенность, а также интонационный контур, дооформляющий эмпатийный характер всей фразы.

ЛИТЕРАТУРА

- Беглярова 2009:** Беглярова, А. Л. Неопределенные местоимения в коммуникативно-прагматическом аспекте. [Beglyarova, A. L. Neopredelennye mestoimeniya v kommunikativno-pragmaticheskom aspekte.] // *Известия РГУ им. А. И. Герцена, Филология*, 2009, 127 – 131.
- Касаткина 2012:** Касаткина, Р. Ф. Русский язык ищет артикль. [Kasatkina, R. F. Russkij yazyk ishhet artikl'.] // *Вопросы языкознания*, 2012, 2, 3 – 9.
- Касаткина 2008:** Касаткина, Р. Ф. Артикли, предартикли и псевдоартикли в славянских языках. [Kasatkina, R. F. Artikli, predartikli i psevdartikli v slavyanskikh yazykakh.] // *Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10 – 16 сентября 2008. Доклады российской делегации / Отв. ред. А. М. Молдован, М., 2008.*
- Колева 2016:** Колева, Р. Стилистични аспекти на субстантивирането в българския книжовен език. [Koleva, R. Stilistichni aspekti na substantiviraneto v balgarskiya knizhoven ezik.] // *Слово и памет. Сб. с доклади от XVIII национална конференция за студенти и докторанти. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2016, 43 – 48.*
- Красавина 2004:** Красавина, О. Н. Употребление указательной группы в русском повествовательном дискурсе. [Krasavina, O. N. Upotreblenie ukazatel'noj grupy v russkom povestvovatel'nom diskurse.] // *Вопросы языкознания*, 2004, 3, 51 – 68.

- Кузова 2022:** Кузова, М. О семантике и прагматике экспрессивных модификаторов и кванторов (в болгарском и русском языках). [Kuzova, M. O semantike i pragmatike ekspressivnyh modifikatorov i kvantorov (v bolgarskom i rusском yazykah).] *Научни трудове на Пловдивския университет „Паисий Хилендарски“*, т. 60, кн. 1, сб. А – Филология. Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2022, 284 – 297.
- Кузова 2018:** Кузова, М. *Парадоксите на експресията в българския и руския език*. [Kuzova, M. Paradoxsite na ekspresiyata v balgarskiya i ruskiya ezik.] Пловдив: УИ „Паисий Хилендарски“, 2018.
- Лотман 1996:** Лотман, Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева. [Lotman, Yu. M. Zametki po poehtike Tyutcheva.] // Лотман, Ю. М. *О поэтах и поэзии*. Санкт-Петербург, 1996, 553 – 564.
- Норман 2009:** Норман, Б. Ю. *Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков)*. [Norman, B. Yu. Lingvisticheskaya pragmatika (na materiale russkogo i drugih slavyanskikh yazykov).] Минск: БГУ, 2009.
- Петрова 2015:** Петрова, Г. Экспрессивно-эмоционални местоименни клитики в българския език. [Petrova, G. Ekspresivno-emotsionalni mestoimenni klitiki v balgarskiya ezik.] // *Научни трудове на Русенския университет*, т. 54, серия 6.3., 2015, 24 – 28.
- РБЕ:** *Речник на българския език*. [Rechnik na balgarskiya ezik.] <<https://rechnik.chitanka.info/>> (22.12.2023).
- Филимонова 2021:** Филимонова, Е. Ю. Дательный этический и генитив с предлогом в конфликтных репликах в русском языке. [Filimonova, E. Yu. Datel'nyj eticheskij i genitiv s predlogom v konfliktnyh replikah v rusском yazyke.] // *Rhema*, 2021. № 2. 149 – 170.
- Шаховский 2008:** Шаховский, В. И. *Лингвистическая теория эмоций*. [Shahovskij, V. I. Lingvisticheskaya teoriya emotsij.] Москва: Гнозис, 2008.